

ИМПЕРИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ДВУЛИКИЙ ЯНУС ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО

Эмблемой власти, символом державной мощи, по крайней мере со времен Древнего Египта, является орел. Двуглавие римского орла, означавшего единство Западной и Восточной частей империи и воспринятого Россией как преемницей Византии, ведет свое происхождение от римского языческого бога Януса. Двуклкость Януса (первоначально бога входов и выходов, от *janua* — двери, ворота) означает, что двери ведут как в дом, так и из дома, ему подчинено и прошлое, и будущее [1]. Историки выполняют функцию жрецов этого бога, связывая прошедшее с грядущим, открывая двери исторической анфилады длинной череде поколений.

Изучая исторически изменяющиеся системы мыслительных предпосылок познания и культуры, погружаясь в археологию знания, французский философ, историк и теоретик культуры М. Фуко в 1960 гг. писал: «Вот уже не одно десятилетие внимание историков привлекают периоды больших длительностей, — так, точно за эпизодами политических перипетий ученые пытаются выявить устойчивое и трудноразрушимое равновесие, необратимые процессы, неизменные закономерности, особые тенденции, достигающие своей наивысшей точки и ниспровергающиеся после вековой непрерывности, движение накопления и медленного насыщения, неподвижные и немые основания, скрытые под толщей событий». Развивая свою мысль, философ отмечал другую характерную для современного дискурса тенденцию: «Почти одновременно во всех тех дисциплинах, которые мы привыкли объединять под именем «истории» — истории идей, науки, философии, мысли и литературы смещается фокус внимания, и исследователи переходят от описания широких общностей («эпохи» или «века») к изучению феноменов разрыва.» [2]. Отмеченная ситуация наиболее точно определяет парадигму нашего исследования, поскольку, с одной стороны, империи как бесконечно вариативные проявления совокупности жестко детерминированных властных принципов и признаков, а также модернизация как инвариантный процесс постоянных изменений, безусловно, могут быть отнесены к фундаментальнейшим сущностям исторического процесса. С другой стороны, обстоятельства возникновения империй нового времени, этапы их трансформаций и гибели, роль в этом модернизации как пограничья аграрной и индустриальной эпох относятся к области тех самых «феноменов разрыва», о притягательности исследования которых писал М.Фуко.

Изучение прошлого, его аналитическое моделирование определяется раздельным существованием мира явлений и мира понятий. Данное обстоятельство вновь и вновь провоцирует исследователей на попытки синтеза этих двух миров в непротиворечивых и возможно более исчерпывающих теориях, концепциях, дефинициях. Вечный «Ванька-встанька» выдвигаемых аналитических задач и несовершенство их решений обуславливает не до конца раскрытую сущность, проецируется на уязвимость определений. Проблема обостряется при увеличении масштаба и сложности анализируемого явления. Чем оно крупнее, тем

большая степень объективации предполагается, с одной стороны, и возрастает трудность ее достижения, с другой. Отсутствие признаваемого определения империи (при их очевидной множественности), на что сетуют все «имперологи» [3], объясняется, на наш взгляд, именно указанным выше обстоятельством. Поскольку вероятность разрешения понятийно-сущностного противоречия бесконечно мала, возможно лишь итерационное приближение к двуликому Янусу империи-понятия и империи-сущности. Путь к этому лежит через снятие покровов случайного, изменчивого, внешнего и отыскание неизменного, глубинного, сущностного.

Эта проблема в той или иной мере осознается некоторыми современными исследователями. Ставится вопрос о необходимости отхода от синдромных определений империи и перехода к определениям генетическим. По мнению С.И. Каспэ, это возможно через структурно-функциональный анализ имперских систем. Сутью данного подхода является рассмотрение имперских систем как формы «разрешения конфликтных напряжений, возникающих при столкновении (в конкретном геополитическом пространстве) универалистских ориентаций с изначально дисгармоничным разнообразием этнических культур». При этом автор сводит условия формирования империи к традиционно выделяемым факторам: «1) Наличие в системе политической легитимации государства некоего указания на его абсолютное, универсальное значение; 2) Присутствие в политической практике государства устойчивой тенденции к территориальному расширению; 3) Отсутствие либо ограниченность ассимиляции народов вновь включаемых в состав государства территорий, сохранение ими своих этнокультурных особенностей» [4].

К механизмам, с помощью которых империя поддерживает свое существование и преодолевает действие неблагоприятных факторов, С.И. Каспэ относит экспансию и возникающую в результате нее систему неэквивалентного обмена «центр-периферия» [5]. Соответственно, основными функциями империи выступают факторы: 1) поддержание устойчивого роста объема и доступности ресурсов; 2) подтверждение универалистских притязаний; 3) способствование интеграции гетерогенного в этнокультурном отношении имперского пространства в единый социально-политический организм; 4) обеспечение эффективного взаимодействия центральной и периферийных элит (последняя функция может рассматриваться и как компонент третьей — в виде основного способа ее осуществления) [6].

Как видим, основным системообразующим фактором в этом подходе, который оказывается в конечном счете близким многим другим авторам [7], является ось «центр — периферия», метрополия — колония, имперообразующий этнос — ассимилируемый этнос.

Не добавляя свой голос в диссонансный хор «определителей» империи, обозначим лишь ключ, в котором будет развиваться наша тема. Отказавшись от приписывания империи многочисленных свойств, сумма которых всегда будет казаться неполной, поскольку ограничивает такое широкое явление-понятие, каким является империя, исторически изменчивыми формами и атрибутами, скажем, что империя — это не государство. Придерживаясь хайдеггеровского «язык — дом бытия», обратимся к истокам. Латинское *imperiū* изначально обозна-

чала высшую военную власть, а смысл слова *impero* — повелеваю. Это понятие отражает принципиальный момент, отличающий империю от прочих государств — превосходство силы, в исторически обозримой ретроспективе — прежде всего военной силы. Военная мощь — это производная от технологической развитости государства, а значит, определяется его способностью к модернизации и ее результативностью. В то же время, империя воплощается в государстве, придает ему определенную форму. Государство, вариативно организующее социум на ограниченной территории, относится к числу устойчивых исторических компонент. Проходя долгий путь развития, некоторые государства при наличии определенных факторов достигают высшего этапа в своем развитии — становятся империей. К числу этих факторов относятся: реализуемая возможность использования внутренних ресурсов, обеспечивающих потенциально устойчивые условия для интенсивного и экстенсивного развития; условное отсутствие противодействия векторам экспансии или способность его элиминировать; сакрализация власти, развитая культура и специфическая идеология (оформленные цивилизационно); наконец, преемственность (хотя бы непродолжительная и пунктирная) выдающихся личностей, аккумулирующих в себе харизматические качества, умение уловить и реализовать потребности социально-экономической эволюции. Эти носители власти, выразители исторических требований жизни являются проводниками между прошлым — сошедшими условиями для нового этапа развития своего государства и будущим, так как способны посредством модернизации заложить фундамент нового. В целом, чтобы стать империей, государство должно обладать высоким потенциалом.

Формы империй соответствовали историческим периодам, в которые они складывались, процветали и гибли. Но государства-империи как таковые в виде автократических государств, главой которых являлся самодержец (император, царь, король и т.п.), могущественных держав, владевших или распространявших свое влияние на обширные в определенной степени зависимые или колониальные земли, существовали на протяжении всей известной нам писаной истории. Они доминировали среди множества прочих государств, определяя важнейшие исторические события, происходившие в регионе или на континенте. Как правило, в мире одновременно существует несколько империй. Они являются центрами притяжения других, более слабых государств, образуя систему противовесов, раскачивая маятник общественного развития, формируя так называемый многополярный мир. С этой точки зрения, форма государственного правления оказывается второстепенным, внешним фактором. Поэтому независимо от автократического или демократического способа правления, исторической эпохи и правительственной организации к империям, по нашему мнению, относятся в числе прочих и Ахеменидская держава, и Римская, Британская, Российская империи, и США. Не имеет принципиального значения и форма государства, которое может быть федерацией, как Германская империя с 1870 по 1918 г., или унитарным государством, как Российская империя до ее краха, или, как Великобритания, содружеством свободных государств с определенной субординацией.

Итак, сущностью империи является Власть. Власть как реализуемая способность управлять имеет следующие проекции: концептуальную, идеологическую,

законодательную, исполнительную, судебную. Она реализуется в разных сферах: ближний круг полновластия, подчиняемая периферия, внешняя сфера ограниченного влияния. Поскольку основным императивом власти является стремление к всеобщему подчинению, всевластию, империя имеет тенденцию к постоянному расширению сферы своего концептуального, идеологического, законодательного, исполнительного, судебного действия. Степень колонизации определяется потенциалами колонизируемой и колонизирующей страны. Чем слабее государство, тем в большей степени оно подвержено проникновению чужеродной активности в политику, экономику, социальную жизнь, культуру. Последнее сколь просто, столь и коварно. С одной стороны, действительно глубокое вторжение в сознание осуществляется труднее всего, так как его архетипы формируются столетиями, определяясь условиями климата, географии, обычая, хозяйства и проч. С другой стороны, успешное замещение некогда привычных элементов мировосприятия новыми имеет далеко идущие последствия: привыкание делает прежде чужеродное своим, ослабляя этнический (национальный) иммунитет, обеспечивая легкое восприятие чужого влияния. Сила иммунной защиты, противодействующей инфильтрации элементов инородного государства, осуществляющего экономическую, культурную и политическую экспансию, определяет степень зависимости конкретного территориально-государственного образования от «агрессора» и проявляется в широком спектре ее форм: от сохранения самостоятельного, достаточно сильного государства, других форм социальной организации, способных противодействовать всяческим «вирусам», отторгая, не воспринимая их в принципе или адаптируя и таким образом обезвреживая их, до полуколониальной зависимости или полной колониальной включенности. История свидетельствует, что формы экономической и политической организации населения относительно легко заместимы, в то время как наиболее устойчивым столпом оказывается, как это не парадоксально, нематериальная компонента в форме духовной традиции, религии и культуры.

Применяя универсальный принцип «зарождение — развитие — расцвет — угасание — смерть», можно проследживать генезис, расцвет и закат империй — порядок, не миновавший ни одну из них. Нарастание мощи государства, достигающей определенного уровня, перехлестывающей его и выливающейся в экспансию (лат. *expansio* — расширение, распространение), соответствует восходящему направлению развития государства. Таким образом, колонизация является важным индикатором этого процесса, позволяющим улавливать и прогнозировать тенденции эволюции государства.

Независимо от характера колонизации (осваиваются внутренние области или заокеанские территории) экспансия связана с необходимостью укрепления раздвигающихся рубежей, вооруженным отстаиванием притязаний на занятие земель, права на владение или пользование которыми предъявляли другие этносы. Потребность в вооруженной защите окраинных территорий подталкивает к развитию промышленного и военного потенциала государства модернизации. С другой стороны, изначально именно определенный уровень экономического и социального развития выступает неизменным условием экспансии.

Выбранный подход к империи как к универсальному, вневременному типу государства предполагает и соответствующую трактовку модернизации. Итак,

если понимать под империей власть и рассматривать ее в широком значении как состояние государственной системы, то модернизация выступает как комплекс изменений, направленных на поддержание ее устойчивости и обеспечение дальнейшего развития. Иллюстрируя это положение, обратимся к истории Римской империи, период расцвета которой тесно сопряжен с осуществлявшейся модернизацией. Для Рима эпохи Цезаря характерно широкое внедрение технико-технологических новшеств, глубокое реформирование общества, отчетливые социальные изменения. Эти процессы во многом определялись требованиями полифонично развивавшейся системы, которая в точке бифуркации выбрала перспективный вектор. После того, как Римское государство прочно утвердилось по всему Аппенинскому полуострову, его дальнейшее развитие зависело от экспансии за его пределы. Римские государственные деятели прекрасно понимали, что для того, чтобы их государство было могущественным, оно не может оставаться исключительно континентальной державой. Колониальная экспансия Римской империи потребовала технологического прорыва — создания флота, которого римляне, в отличие от греков, практически не имели. С завоеванием Неаполя римляне начали усиливать флот, а в конце IV — начале III в. до н.э. организация управления им был улучшена и расширена, что позволило колонизовать Корсику, а отдельным кораблями выходить даже в океан. Особенно важную роль технологический рывок Рима, создавшего флот, сыграл в его противостоянии с другой державой античности, претендовавшей на роль империи — Карфагеном. Консул Гай Дуилий, встретившись с карфагенским флотом у мыса Милы в 260 г. до н.э., выиграл морское сражение. Карфагеняне бежали, потеряв потопленными и взятыми в плен до 50 кораблей — почти половину эскадры, бывшей в бою. Эта победа была обеспечена успешным освоением римлянами современной им военно-стратегической технологии, которая к тому же была подкреплена остроумным применением технического новшества — подъемных мостов. Не обладая карфагенским искусством морского маневрирования и проламывания вражеских судов носом корабля в бок, римляне изобрели перекидные подъемные мосты для взятия их на бордаж. По оценке крупнейшего знатока античной истории Т.Моммзена, «моральное впечатление этого боя было громадно: Рим сразу стал морскою державою» [8].

Переходя от «неподвижных и немых оснований» к «феноменам разрыва», редуцируя ключевые из рассматриваемых понятий, обратимся к корреляции концептов империи в смысле государства и модернизации как комплекса процессов, характеризующих переход от традиционного общества к современному. Ограничим исследовательское поле двумя объектами: Британской и Российской империями. В этом таксоне Британия представляет страну-флагман классического модернизационного перехода и классической империи, Россия же завершает европейскую череду распада империй и модернизации. Центральным вопросом нашего анализа является определение отношения имперского и модернизационного векторов развития.

Великобритания. В конце XVI — начале XVII в. Англия была целиком аграрной страной. В то же время в аграрной области шло интенсивное развитие хозяйственной жизни: в результате огораживания и сгона крестьян с земли

создавалась потенциальная армия труда для мануфактур и рудников, в деревне распространялась крупная капиталистическая аренда земли. Развивалась металлургия, мануфактура, подчиненная капиталу, накопленному в торговле и ростовщичестве. Укреплялось купечество и новые дворяне — джентри. Эти процессы были составляющими доиндустриальной модернизации (прото-индустриализации). В формировании контуров будущей колониальной империи и укреплении ее экономики совершенно особое место принадлежало крупным монопольным торговым компаниям, (прежде всего Ост-Индской, образованной в 1600 г.), которые не только вели баснословно прибыльную торговлю с отдаленными от метрополии регионами, формируя первоначальный капитал, но и постепенно подготавливали их политическое включение в империю.

Требования социально-экономических и институциональных перемен нашли выражение и отчасти решение в английской революции 1640-1660 гг. Со Славной революции 1688 г., превратившей Англию в конституционную монархию, характерными чертами ее истории становятся развитие предпринимательства, бурный рост первоначального накопления капитала, расцвет мануфактуры. Благодаря основанному в 1694 г. Английскому банку, его займам и денежным операциям в XVIII в. складывается разветвленная финансовая система, ставшая струнами британского капитализма. В XVIII в. завершилась начавшаяся еще в XVI в. аграрная революция. В этом веке происходило глубокое преобразование производительных сил, связанное с переходом от мануфактуры к машинному, фабрично-заводскому производству. XVIII в. для Англии — это прежде всего период раннеиндустриальной модернизации, промышленного переворота, развернувшегося с 1760-х гг. и законченного к 1850-м гг.

Внутреннему развитию страны аккомпанировали колонии, так что в этом концерте подчас было трудно определить, кто играет первую скрипку, поскольку ограбление колоний было одним из главных источников первоначального накопления капитала в Англии. Ее колониальная экспансия широко развернулась только после буржуазной революции XVII в. В результате войн второй половины XVII в. Англия одержала победу над Голландией и захватила ряд территорий в Северной Америке. С середины XVIII в. в зависимость от Англии попала Португалия и ее большая колониальная империя. Приняв активное участие в войнах за Испанское (1701-1713), Австрийское (1740-1748) наследства и в Семилетней войне (1756-1763), Великобритания (это название утвердилось после 1707 г. за объединенным королевством Англии и Шотландии) стала крупнейшей колониальной державой. По Утрехтскому миру 1713 г. Великобритания получила Гибралтар, Новую Шотландию, Ньюфаундленд, остров Минорку и право асiento — в течение 30 лет поставлять рабов в испанские колонии в Америке. Расширялись Британские колонии в Индии, Америке и Африке: после победы англичан в битве при Плесси в 1757 г. Франция утратила надежду на создание колониальной империи в Индии. В Северной Америке в результате Семилетней войны к Англии перешли Французская Канада и обширные территории между Аппалачами и Миссисипи. Венский конгресс 1814-1815 гг. подтвердил сложившуюся к этому времени колониальную гегемонию Англии. Был признан переход к ней Капской колонии, островов Мальта, Цейлон, Маврикий, Тобаго и ряда других

территорий. В XIX в. активно колонизируются Канада, Австралия и Новая Зеландия, Южная Африка, Юго-Восточная Азия[9].

Преуспев больше других в войнах конца XVIII — начала XX в., Великобритания на десятилетия стала сильнейшей державой мира. В 1899 г. ее колониальная империя охватывала территорию, равную 30 млн кв.км. с населением 345 млн чел. [10]. Промышленное превосходство укрепило господство в мировой торговле и на морях. Лондонская биржа и Английский банк стали мировым центром торговых и финансовых сделок.

В результате Войны за независимость в Северной Америке (1775-1783 гг.) Великобритания лишилась 13 своих колоний. Это было первым серьезным ударом по Английской империи. Быстро развивавшаяся в тот период империя его сравнительно легко преодолела, сумев расширить свои владения и влияние во многих районах земного шара. Растущей английской экономике каждый год требовались новые рынки сбыта и источники сырья, причем искать их приходилось за рамками империи. Тем не менее, эта потеря стала первым звонком к последнему акту великой драмы Британской империи.

К середине XIX в. Великобритания занимала монопольное положение на мировом рынке и обладала огромными территориями. Однако в последней трети XIX в. обозначилось отставание Великобритании от других держав. Его главная причина заключалась в том, что промышленная монополия в середине века способствовала постепенной утрате английской буржуазией побудительных мотивов «к постоянной модернизации производства, развитию новых отраслей, связанных с техническим прогрессом, так как и старые отрасли приносили ей значительные прибыли. Накапливаемый капитал охотнее вкладывался в заморскую торговлю, финансовые операции — туда, где он быстро оборачивался и приносил большие прибыли. В то же время промышленность отодвигалась на второй план. Эра промышленного капитала уступала место эре финансового капитала» [11]. Показателем этого отставания стало падение удельного веса Англии в мировом промышленном производстве: с 32% в 1870 до 18% в 1900 г., в то время как доля США соответственно увеличилась с 23 до 31 %, а Германии — с 13 до 16% [12]. Нужна была модернизация промышленности, но правительство не могло добиться ее, поскольку бизнесмены предпочитали получать прибыли, не тратя средств на обновление основного капитала. Английские капиталисты паразитировали, аннексируя рынки сбыта и сферы приложения капитала в Азии и Африке. Несмотря на утрату мировой промышленной монополии в последней четверти XIX в. Великобритания значительно расширила колониальную империю, используя обширную сеть военно-морских баз и опорных пунктов и ведя многочисленные колониальные войны. В 1880—1890-х гг. были завоеваны огромные территории на западном и восточном побережьях Африки. С захватом Кипра (1878), установлением контроля над Суэцким каналом (1875) и господства в Египте (1882), завершением завоевания Бирмы (1885), установлением фактического протектората над Афганистаном, экспансией в Китае упрочились позиции Великобритании в Азии и Африке.

Специалисты по истории Британской империи полагают, что с 70-х гг. прошлого столетия изменилась сама экономическая основа колониализма. До про-

мышленной революции колонии представляли интерес для метрополий, как известно, в двух аспектах. С одной стороны, в качестве источников ценных ресурсов; с другой, в качестве отдушины для «сброса» избыточного населения метрополий, что позволяло поддерживать внутри них относительное равновесие между численностью населения и размерами имеющихся сельскохозяйственных земель — решающего в ту пору средства производства. [13].

Такая система внутри имперских экономических отношений почти не оказывала существенного влияния на производственный потенциал как метрополий, так и колоний. Ситуация принципиально изменилась с появлением и распространением машинного производства и парового транспорта. Колонии стали рассматриваться как важный резерв, а в какой-то мере даже как орудие геоэкономической стратегии индустриальных стран [14].

Однако новый, капиталистический колониализм таил в себе вирус самоуничтожения. Внутренняя логика саморазвития таких территорий приводила к борьбе местной буржуазии и населения за экономическую и политическую независимость. Да и самим метрополиям становилось выгоднее постепенно преобразовать силовое господство над такими относительно развитыми территориями в отношения экономической зависимости и даже некоторого партнерства. Уже в 1867 г. федерациям Верхней и Нижней Канады, Нового Брунсвика и Новой Шотландии, заселенным преимущественно выходцами из Британии и достаточно развитыми экономически, Англия Актом о Британской Северной Америке предпочла предоставить статус самоуправляемого «доминиона Канада». В 1900 г. Британский парламент постановил создать федеративное Содружество Австралии. В 1910 г. статус доминиона получила Южно-Африканский союз, в 1917 г. — Ньюфаундленд [15].

Имперский кулак, в течение трех столетий крепко державший поводья целого табуна своенравных колониальных скакунов, начал заметно ослабевать. Все больше становилось бремя военных расходов, связанных прежде всего с сохранением империи. В последние два столетия перед первой мировой войной они увеличивались в 1,7 раза быстрее, чем ее валовой национальный продукт [16]. Усиление центробежных сил в империи заставили Великобританию признать доминионы юридически равноправными с метрополией, что было закреплено Вестминстерским статутом 1931 г. С этого времени Британская империя стала именоваться Британским содружеством наций, а с 1947 г. — просто Содружеством наций. Великобритания вступила в период позднеиндустриальной модернизации, оказавшейся несовместимой с осуществлявшимся в течение предыдущей эпохи колониальным паттерном ее развития.

Таким образом, социальные потрясения XVII в. явились предтечей еще более глубоких социально-экономических перемен XVIII в., связанных с индустриальной революцией и в более широком контексте с переходом от существовавшего в течение многих веков традиционного, аграрного общества к индустриальному в основе своего общества нового времени. Его бурное развитие стало основой расцвета английского государства, растекшегося по значительной части земного шара в XIX в.

Россия. Протондустриальное направление развития России обозначилось не ранее середины XVII в., когда хозяйство страны несколько оправилось от по-

следствий Смуты и иностранной интервенции начала века. В этот период восстанавливаются и расширяются рыночные связи, ремесло в городах постепенно перерастает в мелкое товарное производство, развивается дворянское предпринимательство, появляются первые мануфактуры, зарождается буржуазия. В России XVII — начала XVIII в. начался процесс концентрации ремесленников и сельских товаропроизводителей. В то же время Россия XVII в. представляла собой еще глубоко патриархальную страну, 96% населения которой проживало в деревне.

Преобразования Петра I, проявившего понимание задач, возникавших в то время перед Россией, были направлены на преодоление ее отставания от передовых западных стран и затрагивали все стороны государственной и общественной жизни. Реформы способствовали росту и укреплению торговой и мануфактурной буржуазии. В первой четверти XVIII в. было создано свыше 200 крупных и мелких промышленных предприятий, возникавших и функционировавших в режиме льгот и привилегий. Строились новые крепости и города. Центром металлургического производства стал Урал, чья роль в российской модернизации и формировании империи необычайно значима. Урал явился эпицентром создания передовой тяжелой промышленности, благодаря которой Россия смогла не только одержать верх в борьбе со шведами, претендовавшими на роль северной империобразующей нации, но и со временем раскрутить маховик промышленного переворота. Именно с Урала шло вооружение и снаряжение для экспедиций, целями которых были колонизация новых территорий, приращение империи (прежде всего Вторая Камчатская экспедиция В.Беринга).

В XVIII в. длительный многовековой процесс территориального расширения, отражавшего внутреннее развитие страны, а также сопредельных с ней народов и их взаимосвязей, привел к существенному увеличению протяженности границ России. Важную роль в нем играли внешняя политика России, международная обстановка, ориентация на Россию соседних с ней народов. В результате дипломатических соглашений, «прошений о принятии под покровительство», мирных договоров, последовавших за успешным окончанием ряда войн, великих географических открытий в состав России были включены обширные новые земли.

Спецификой формировавшейся империи (провозглашенной таковой в 1721 г. Петром I) был ее континентальный характер. В отличие от морских империй, классическим примером которых является Британская, континентальным (к их числу относились, например, Австро-Венгерская и Османская) более свойственно повتابное присоединение соседних иноэтнических территорий, нежели покорение заморских колоний. Для континентальных империй характерны значительная инфильтрация жителей метрополии в этнические периферийные провинции, более мощный приток «инородцев» в метрополию, меньшая отчужденность провинции от метрополии и меньшие контрасты между ними в уровнях развития. Откачивая ресурсы из-за океана, Великобритания обращала их в золото, деньги, инвестировавшиеся прежде всего в экономику метрополии, а не в освоение колоний. Россию же засасывала трясина расширявшейся периферии. Внутренняя колонизация, процессы освоения (сделать своим) поглощали средства, сравнимые с теми, которые новые территории могли дать. Проблема первоначального накоп-

ления капитала, необходимого для крупного технологического обновления экономики и изменения общества, решалась в России намного сложнее, чем в Великобритании. Два разных подхода к колонизации — преимущественно эксплуатация и прежде всего освоение, осуществлявшиеся Британской и Российской империями соответственно, привели к заметным различиям в скорости и характере перехода от аграрного общества к индустриальному. Кроме того, специфика этого перехода в России состояла в том, что он происходил в условиях господства крепостнической системы, сильной самодержавной власти и замедленных темпов развития капитализма. Сама модернизация осуществлялась путем «революций сверху» (реформы Петра I, Екатерины II, Александра II) и охватывала преимущественно технологическую, военно-промышленную сферы и систему управления, не подкрепляясь в достаточной степени политическими и социальными преобразованиями [17].

Упомянем события, способствовавшие формированию Российской империи, и кратко обозначим основные вехи ее экспансии. После окончания Северной войны и заключения Ништадского мира со Швецией (1721 г.), в результате которого за Россией были закреплены Ижорская земля, территории современных Эстонии и Латвии; а также персидского похода (1722-1723 гг.), завершившегося присоединением к России западного побережья Каспийского моря, морские пути на юг через Каспий и Тихий океан в Америку и страны Юго-Восточной Азии стали объектом живого внимания Петра I и его сподвижников. В 1724 г. Петр I приказал отправить через Сибирь на Тихий океан Первую Камчатскую экспедицию с широкими задачами, приоритетным из которых был получение действительных знаний о западном побережье американского материка, включение Америки в российскую ойкумену.

Во второй четверти XVIII в. Россия продолжила борьбу за выход к Черному и Азовскому морям, возвратила Азов и закрепила за собой Запорожье. После войны со Швецией в 1741-1743 гг. была присоединена часть территории Финляндии. Благодаря Второй Камчатской экспедиции Россия обрела славу первооткрывательницы северо-западной Америки (1741 г.), а к концу века прочно закрепились на ее побережье.

В результате политики России в Средней Азии, способствовавшей сдерживанию междоусобиц и приведшей к консолидации казахского народа, его значительная часть вошла в состав России в 30-х гг. XVIII в. Окончательное присоединение завершилось в 60-х гг. XIX в. [18].

В 1783 г. к империи было присоединено Крымское ханство. В результате разделов Речи Посполитой в состав России вошли часть Белоруссии, Правобережная Украина, Курляндия и Литва. Включение в состав России сравнительно многочисленных народов (украинцев, белорусов, татар, башкир и др.) привело к тому, что к концу XVIII в. русских в общем населении страны стало меньше половины (49%) [19]. Таким образом, самодержавное по форме правления, феодально-крепостническое по социальному строю, огромное по размерам Российское государство к концу XVIII в. простиралось на трех континентах: европейском, азиатском и североамериканском.

Процесс формирования многонационального Российского государства и расширения его границ продолжался и в первой половине XIX в. В начале века к

России присоединилась Грузия, в результате Кавказской войны 1817-1864 гг. — Чечня, Горный Дагестан и северо-западный Кавказ.

Международная обстановка, в которой происходил территориальный рост Российской империи в первой половине XIX в., накладывала определенный отпечаток на ее политику в отношении присоединенных народов. На нее влиял и уровень их политического развития, который царское правительство в ряде случаев было вынуждено учитывать при дальнейшем оформлении их статуса внутри Российского государства. Так, Финляндия, присоединенная в 1809 г. к России в результате русско-шведской войны, стала Великим княжеством Финляндским, пользовавшимся в составе России автономией.

По заключительному акту Венского конгресса 1815 г. включенная в Россию большая часть территории герцогства Варшавского получила статус Царства Польского с введением конституционного правления. Некоторые национальные особенности управления были сохранены в присоединенной по Бухарестскому мирному договору 1812 г. Бессарабии. Западные границы Российской империи с Венского конгресса 1815 г. оставались почти неизменными вплоть до октябрьской революции 1917 г.

По Парижскому мирному трактату, подписанному 18 (30) марта 1856 г., зафиксировавшему поражение России в Крымской войне, Россия лишилась покровительства над Дунайскими княжествами и православными подданными султана Османской империи. Территориальные же потери оказались сравнительно незначительны: от России отошли к княжеству Молдавия дельта Дуная и прилегавшая к ней южная часть Бессарабии [20].

В 1858 г. по Айгунскому и в 1860 г. по Пекинскому договорам за Россией были закреплены Приамурье и Приморье. В 1867 г. произошел первый крупный отказ Российской империи от значительной части своей территории — американской колонии: Аляска и Алеутские острова были проданы США. Несмотря на то, что впереди у России были еще многие годы процветания и даже приращения территорий, это событие (подобно лишению Англией своих американских колоний), рассценивается нами как символический знак начала заката Российской империи. В 1875 г. по договору с Японией о. Сахалин стал полностью русским владением, а Курильские острова отошли Японии.

Во второй половине XIX в. к России была постепенно присоединена Средняя Азия. В этот период продолжала также расти прорусская ориентация ряда кавказских народов, уставших от междоусобиц и нападений со стороны османской Турции и шахской Персии [21].

После поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг. Россия потеряла арендованный у Китая Порт-Артур и южную часть острова Сахалин.

К началу XX в. по размеру территории и численности населения Российская империя уступала только Британской. Ее территория равнялась 22,4 млн кв. км. По переписи 1897 г. население составляло 128,2 млн чел., в том числе в Европейской России — 93,4 млн, Царстве Польском — 9,5 млн, Великом княжестве Финляндском — 2,6 млн, Кавказском крае — 9,3 млн, Сибири — 5,8 млн, Среднеазиатских областях — 7,6 млн чел. На территории России проживало более 100 народов, доля русских в населении страны

уменьшилась до 44,3% (по данным о родном языке в переписи населения 1897 г.) [22].

В течение четырех веков естественно и непрерывно, как тесто, замешанное на хороших дрожжах, российское государство расширилось территориально, не сдерживаемое непреодолимыми преградами ни географического, ни национально-государственного свойства. Экспансия осуществлялась как в результате дипломатических, договорных процессов, так и в ходе войн, вызванных насущными потребностями политического и экономического характера, которые Российское государство вело за те или иные стратегические пункты и территории (Балтика, Черное море, Кавказ).

Отмена крепостного права и другие буржуазные реформы 1860-1870 гг., промышленный переворот с середины XIX в. создали условия для более быстрого капиталистического развития. Можно сказать, что результатом расширения территории, накопления экономического потенциала, технического и социального развития стал рывок в развитии российской промышленности, произошедший в 1880-1913 гг. Он характеризовался гигантскими темпами роста промышленности и коренными качественными изменениями в технике и технологии. За 1885-1913 гг. промышленная продукция в России выросла в пять раз, превзойдя темпы промышленного роста наиболее развитых стран мира [23]. По сравнению с до-реформенным периодом промышленность России выросла в 13 раз. Темпы экономического роста были самыми высокими в мире, а по отдельным отраслям просто гигантскими (производство стали, например, выросло в 2234 раза, нефти в 1469 раз, угля в 694 раза). Быстро осуществлялась механизация производства (если в 1860 г. в производстве работало механического оборудования на 100 млн руб., в 1870 г. на 350 млн руб., то в 1913 г. почти на 2 млрд руб., то есть ежегодно обновлялось около пятой части технического парка машин) [24]. Показатели концентрации производства в России накануне первой мировой войны были одними из самых высоких в мире: в 1910 г. в России 53% промышленных рабочих работало на предприятиях с числом занятых свыше 500 чел. (в США соответствующий показатель составлял 33%). На предприятиях с числом рабочих свыше 1000 чел. в России было занято 44% рабочих, что в два с лишним раза больше, чем в промышленности США [25]. К началу первой мировой войны Россия перестала быть преимущественно сельскохозяйственной страной: в 1912 г. сельское хозяйство дало продукции на 6,1 млрд руб., а промышленность на 5,6 млрд руб. [26].

Во второй половине XIX в. страна достигла пределов роста. Российская империя уже прошла стадии зарождения, возрастания и расцвета. В то же время стали ощутимы серьезные симптомы коррозийного кризиса ее государственной системы, свойственные началу этапа угасания. Он проявился в поражении в Крымской войне (1853-1856 гг.), социально-правовых потрясениях основ российского бытия, связанных с отменой крепостного права (1861 г.), последовавшими реформами (1860-1870 гг.) и контрреформами (конца 1880-х — начала 1890-х гг.). И далее: Польское восстание 1863-1864 гг., покушения на цареубийство 1866 и 1881 гг., появление многочисленных революционных групп, русско-японская война 1904-1905 гг., революционные события 1905-1907 гг., столыпинская

реформа (1906-1915 гг.), формирование, деятельность и разгоны нового властного органа — Государственной Думы (1906-1917 гг.), забастовочное движение, усилившееся после Ленского расстрела 1912 г., поглощение России пучиной первой мировой войны (1914-1918 гг.) и, наконец, апофеоз — февральская и октябрьская революции 1917 г.

Осуществляясь в условиях вакуума власти, при отсутствии тормозящего трения, движение не затихло, но, напротив, достигло в 1917 г. пикового значения, сильно раскачав и окончательно разбалансировав систему государственного устройства Российской империи. Устойчивый и определенный центр тяжести государственной власти исчез, центростремительные тенденции сменялись центробежными. Наибольшая скорость падения и полный покой совпали: империя перестала существовать. Начался процесс интенсивного распада — 3 (16) декабря 1917 г. правительство Российской республики признало право Украины на самоопределение, Белоруссия в августе того же года стала суверенным государством, а в июле провозгласила свою автономию татары и башкиры, тогда же попытался суверенизоваться Крым. В сентябре 1917 г. в Ташкенте было создано автономное правительство Туркестана. 18 (31) декабря была признана независимость Финляндии, 29 августа 1918 г. — Польши. В августе 1918 г. получили независимость Литва, Латвия и Эстония. В апреле 1920 г. возникла независимая Федеративная Закавказская Республика. После того, как бывшее могущество России было возрождено в течение нескольких десятилетий сталинского правления и историческое ядро, собственно русские земли, были надежно окружены полукругом советских республик и вторым дружественным кольцом — странами социалистического лагеря, а также третьим кольцом влияния — государствами социалистической ориентации, социалистическая империя в середине 1990-х гг. в очень короткий срок лишилась двух последних поясов защиты и оказалась перед реальной угрозой внутренней дезинтеграции, в ситуации тотального экономического кризиса.

Рассмотрение траекторий социально-экономического, политического и территориального развития Британской и Российской империй позволяет сделать следующий вывод. Широко распространенное убеждение в извечной отсталости России и догоняющем типе ее развития неправомерно в своей однозначности. (Идея догоняющего развития России считается отечественными исследователями аксиомой. См., например, материалы круглого стола «Российская модернизация: проблемы и перспективы» // Вопросы философии. 1993. № 7; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии, 1993. № 7).

Как ясно из проведенного анализа, модернизационный переход — длительный, многовековой и многоступенчатый процесс, составляющий целую эпоху в истории современных стран. Он осуществляется по похожему сценарию, но приобретает неповторимое своеобразие, так как ставится в разных «национальных театрах». Огромное значение в нем имеют стартовые условия, точка отсчета модернизации. Для России рубеж пришелся на XVIII в., когда единое самостоятельное государство, преодолев внутренние и внешние помехи, смогло начать активное протоиндустриальное развитие.

Раннеиндустриальный этап, период промышленной революции был пережит Россией в середине XIX — начале XX в. Так же, как для Англии, глубокие социально-экономические преобразования второго периода модернизации в России совпали с периодом ее наивысшего имперского могущества. Раннеиндустриальный период российской модернизации был прерван жесточайшими потрясениями 1917-1920-х гг. Сталинская индустриализация, продолжившая его в изменившихся условиях, положила в фундамент нового индустриального общества миллионы людей, за несколько десятилетий (уже при его преемниках) практически наверстав упущенное историческое время.

Как и в случае Британской империи, позднеиндустриальный этап модернизации коррелировал с распадом имперского государства. Для СССР, однако, он оказался намного более болезненным, так как континентальный характер советской империи характеризовался тесными взаимосвязями по линии центр — периферия и несмотря на известные диспропорции все же достаточно высоким уровнем экономического развития регионов (что, в частности, объяснялось разворачиванием и функционированием производства в условиях интенсивного индустриального развития середины XX столетия).

Отвечая на центральный вопрос своей книги «Была ли необходима индустриальная революция?» авторы, анализирующие историю этого процесса в Великобритании, указывают, что «индустриальная революция выросла из тысячелетней ожесточенной конкуренции между множеством маленьких западноевропейских королевств. Эта борьба за лидерство в Европе в течение многих столетий была стимулом к поиску новых путей создания большего прибавочного продукта, который мог бы прокормить их военную силу... Роль интенсивной военной конкуренции является таким образом причиной успеха Европы, в отличие от Китая и других более древних цивилизаций» [27]. Российская модернизация стартовала в конце XVII — начале XVIII в. как единственно возможный ответ на вызов со стороны Европы, в соревнование с которой вступил Петр I, как основа для военных побед России на западе и востоке. Специфической чертой России стало сближение раннеиндустриального и позднеиндустриального этапов модернизации в конце XIX — первой половине XX в. Развитие промышленности, ядром которой был военный комплекс, на основе новых технологий производства, неизбежно влекущих за собой социальные перемены, стало условием расцвета Британской империи в XIX в. и Российской (Советской) империи в XVIII в. и 1930-1970-х гг.

Протоиндустриальное развитие Англии, натаккиваясь на социальные, институциональные и прочие препятствия, смело их путем буржуазной революции середины XVII в. Замедленное в силу самих масштабов страны раннеиндустриальное развитие в России, напротив, не только не встретило сопротивления государства, но и получило поддерживающий импульс Петра I «сверху». Угар промышленного переворота, набравшего обороты с 1760 г., в Великобритании скрыл за собой потерю ее плацдарма на Американском континенте в 1783 г. Россия, переживавшая промышленную революцию в середине XIX в., не смогла удержать древко своего стяга над Аляской и Калифорнией в 1867 г. Плоды, принесенные техническим прогрессом в виде интенсивного промышленного раз-

вития, высоких темпов экономического роста, крупнейших социальных сдвигов, пожинались империями, выросшими в богатей на этих «молодильных яблоках». Однако их чудодейственный эффект оказался преходящим. Раннеиндустриальное общество быстро трансформировалось в позднеиндустриальное и постиндустриальное. И во главе этих метаморфоз стояли уже другие кандидаты в империи. Эстафета была передана США, тело которых срослось из восточной (конец XVIII в.) и западной (вторая половина XIX в.) частей, волей и неволей уступленных Британской и Российской империями. Американская империя, развивающаяся по восходящей в постиндустриальную эпоху колонизует мир не только «дедовскими», хотя и осовремененными финансовыми и военными способами, но и самыми передовыми — на основе информации, новейших пост-индустриальных технологий. Имперская карусель может продолжиться с отпадением в будущем от США юго-западных территорий, инфильтрация китайского населения на которых очень велика. И тогда воспрявший дракон Китайской империи, разбуженный последним вытком ее модернизации, засверкает отблесками постиндустриального мира, движимый негасимым огнем духовной и культурной традиции Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новиков В.И. Орел российской: культурные смыслы государственной геральдики. // *Общественные науки и современность* (далее ОНС), 1997. №3. С.147.
2. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С.7-8.
3. Каспэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // *Полис*, 1997. № 5. С.31-48; Лурье С.В. От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // ОНС, 1997. № 4. С.123-133; Лурье С.В. Российская и Британская империи: культурологический подход // ОНС, 1996. №4; Яковенко И.Г. От империи к национальному государству (попытка концептуализации процесса) // *Полис*, 1996. № 6. С.117-128.
4. Каспэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // *Полис*, 1997. № 5. С.35.
5. Там же. С.40.
6. Там же. С.45.
7. Eisenstadt S.N. Empires // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol.V. N.Y., 1968; Кнабе Г.С. Империя изживает себя, когда провинции догоняют центр // *Восток*, 1991. № 4. С.75; Гатагова Л.С. Империя: идентификация проблемы // *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. М., 1996. С.338.
8. Моммзен Т. История Рима. СПб.: Лениздат, 1993. С.69.
9. Новая история стран Европы и Америки. М., 1997; Judd D. Empire. The British Imperial Experience, from 1765 to the Present. London, 1997.
10. Большая советская энциклопедия. М., 1971. Т.4. С.422.
11. Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века (движущие силы, формы, методы). М., Наука. 1991. С.25.
12. Большая советская энциклопедия. М., 1971. Т.4. С.422.
13. Шишков Ю.В. Судьба Британского содружества наций: воспоминание о будущем СНГ // ОНС, 1996. № 3. С.73-85.
14. Там же. С.76.
15. Judd D. Empire...
16. Шишков Ю.В. Судьба Британского содружества наций: воспоминание о будущем СНГ, // ОНС, 1996. № 3. С.76.

17. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург, 1997. С.91-92.
18. История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995. С.23.
19. Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С.13.
20. История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995. С.415.
21. Там же. С.18-19.
22. Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С.14.
23. Платонов О.А. Терновый венец России. М., 1997. С.17.
24. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С.490.
25. Платонов О.А. Терновый венец России. М., 1997. С.20.
26. Там же. С.33.
27. Was the Industrial Revolution Necessary? Ed. by Graeme Donald Snooks. London, N.Y., 1994. P.15.

EMPIRE AND MODERNIZATION: A TWO-FACED JANUS OF THE HISTORICAL WHOLE

The author brings out and argues the idea of an empire as a power (rule) in a broad meaning, not a state. The empire only takes shape in a state, gives it a particular form. The correlation of the empire and modernization vectors of development is defined in the article basing on the examples of the British and Russian Empires. Study of the trajectories of social, economic, political and territorial development of both empires permits to make among the others the following conclusion: a widely accepted statement concerning the eternal backwardness of Russia and catching type of its development is not unconditionally correct.

E.V.Alekseyeva